

УДК 343(47)(09)
ББК 67.408-32(2Рос)

Н.В. Гончаров

ИДЕИ «ТРЕТЬЕЙ ШКОЛЫ» В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И ПРАВЕ РОССИИ 1917–1926 ГОДОВ

Представлены результаты историко-правового анализа уголовного законодательства России первых лет советской власти. Обосновывается мысль о том, что теоретической основой формирования первых советских уголовных кодексов, несмотря на идеологические штампы и установки, стала так называемая «третья школа», обосновывающая дуалистический характер мер уголовно-правового характера, в зависимости от наличия или отсутствия вины причинителя вреда.

Ключевые слова: историко-правовой метод, уголовно-правовые школы, «третья школа», советское уголовное законодательство, история мер уголовно-правового характера.

N.V. Goncharov

IDEAS OF «THE THIRD SCHOOL» IN CRIMINAL LEGISLATION AND LAW IN RUSSIA IN 1917–1926

The article represents the results of historical analysis of criminal legislation in Russia during the first years of the Soviet system. The author substantiates the idea that the theoretical basis for the first Soviet criminal codes regardless the ideological stamps and purposes was formed by the so-called «third school» that provided grounds for the dualistic nature of the criminal law measures which depend on whether the trespasser is guilty or not.

Keywords: law history method, criminal law schools, «the third school», the Soviet criminal legislation, history of criminal law measures.

Революционные события октября 1917 г. в России кардинальным образом изменили направление общественно-политического и государственно-правового развития страны, поставили принципиально новые задачи перед отечественной уголовно-правовой наукой. В их числе важное место занимала задача определения специфики социалистического права, обоснование его коренных отличий от права предшествующих эпох.

Однако, несмотря на активную нормотворческую деятельность советской власти (только за два года революции было принято свыше 200 актов, содержащих уголовно-правовые предписания), позитивное право в силу некоторых объективных причин еще мало подвергалось теоретическому анализу. В стране было недостаточно юридических кадров с марксистской подготовкой, в науке «преобладало влияние буржуазного юридического мировоззрения», а сами проблемы ставились и обсуждались не столько представителями науки, сколько практическими деятелями советской юстиции [8, с. 10]. Верно в связи с этим отмечает Н.А. Ныркова: «Бурные революционные преобразования не совместимы с фундаментальными работами в области права, предназначенного для отражения и регулирования текущих процессов... В наибольшей степени это можно отнести к уголовному праву, главной задачей которого было защитить завоевания революции, обезопасить новую власть от контрреволюционных и иных преступлений. Именно потому в первые годы существования советской

власти насущными и востребованными являются прикладные вопросы наказания, связанные с его видами и пределами» [4, с. 92].

Обобщенные представления новой власти о целях и сущности уголовного права были сформулированы в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР от 12 декабря 1919 г. [5, с. 57–60]. Наиболее отчетливо они проявлялись в определении сущности уголовного наказания. Ввиду их важности позволим себе прямое цитирование: «Наказание — это те меры принудительного воздействия, посредством которых власть обеспечивает данный порядок общественных отношений от нарушителей последнего (преступников)»; «Задача наказания — охрана общественного порядка от совершившего преступление или покушавшегося на совершение такового и от будущих возможных преступлений как данного лица, так и других лиц»; «Обезопасить общественный порядок от будущих преступных действий лица, уже совершившего преступление, можно или приспособлением его к данному общественному порядку, или, если он не поддается приспособлению, изоляцией его и, в исключительных случаях, физическим уничтожением его»; «При выборе наказания следует иметь в виду, что преступление в классическом обществе вызывается укладом общественных отношений, в котором живет преступник. Поэтому наказание не есть возмездие за “вину”, не есть искупление вины. Являясь мерой оборонительной, наказание должно быть целесообразным и в то же время совершенно лишено признаков мучительства и не должно причинять преступнику бесполезных и лишних страданий».

Наряду с наказанием Руководящие начала устанавливали и правовые последствия совершения деяния несовершеннолетними и невменяемыми. Первые, согласно ст. 13, не подлежали суду и наказанию, к ним могли быть применены лишь «воспитательные меры (приспособления)». В отношении невменяемых применялись «лечебные меры и меры предосторожности» (ст. 14).

Таким образом, в законодательстве выстраивалась определенная система мер уголовно-правового характера: меры принудительного воздействия (наказание), воспитательные меры и лечебные меры. Принято считать, что такая система имеет своим теоретическим источником постулаты социологической школы уголовного права. Однако это не совсем так. Отношение советской науки к социологической школе уголовного права было в достаточной мере критическим. Б.С. Ошерович писал, что характерной особенностью социологической школы является «эклектизм и беспринципность во всех теоретических положениях... В учении о наказании социологическая школа стремилась сочетать теорию наказания-возмездия, развитую классической школой, с теорией социальной защиты, выдвинутой Ломброзо и его последователями». В конечном итоге эта школа капитулировала то перед классическим, то перед антропологическим направлением [9, с. 77].

Основной упрек в адрес социологической школы заключался в том, что, признавая зависимость преступного поведения от внешних социальных условий, она фактически устраняла из уголовного права учение о свободе воли, а вслед за ним — положения о вменяемости, вине и вменении. Это обстоятельство уравнивало уголовно-правовой статус вменяемых и невменяемых лиц, подменяло основание деяния как основание ответственности и наказанием опасностью лица, его совершившего, делало совершенно излишним различие наказаний и иных мер уголовно-правового

воздействия, устраняло из наказания элемент пропорциональности, что противоречило и укоренившейся традиции, и началам справедливости.

В некоторой мере примирить идею наказания в подлинном смысле этого слова и необходимость применения иных мер защиты могло компромиссное направление в науке. Как писал Э.Я. Немировский, к концу XIX в. определилось более умеренное направление уголовно-социологической школы, получившее название «третьей школы». «Она сохраняет понятие вины и наказания, хотя также отвергает свободу воли и стоит на детерминистической позиции; в наказании она признает специальную меру защиты общества, отрицая элемент возмездия, но иногда сохраняя элемент порицания, отрицательной оценки преступления и преступника; вина понимается также в ином смысле — как вина характера; наказанию ставятся задачи специального предупреждения, но комбинированные с целью общей превенции — влияния на все население» [3, с. 15].

Именно на компромиссных позициях «третьей школы», по убеждению Э.Я. Немировского, М.А. Чельцова-Бебутова (об этом см.: [3, с. 47; 10, с. 55]), стоял первый советский Уголовный кодекс, принятый в 1922 г. [5, с. 116–143].

Согласно ст. 5 УК РСФСР 1922 г., он имел своей задачей защиту государства трудящихся путем применения к нарушителям революционного правопорядка наказания и других мер социальной защиты. Система наказаний включала в себя: изгнание из пределов РСФСР на срок или бессрочно; лишение свободы со строгой изоляцией или без таковой; принудительные работы без содержания под стражей; условное осуждение; конфискация имущества — полная или частичная; штраф; поражение прав; увольнение от должности; общественное порицание; возложение обязанности загладить вред.

К другим мерам социальной защиты, заменяющим по приговору суда наказание или следующими за ним, кодекс в первоначальной редакции относил: помещение в учреждения для умственно или морально дефективных; принудительное лечение; воспрещение занимать ту или иную должность или заниматься той или иной деятельностью или промыслом; удаление из определенной местности. Позднее, в 1924 г., к этому списку добавлены: отдача несовершеннолетнего на поруки родителям, родственникам либо другим лицам при условии всестороннего ознакомления суда с образом жизни и личностью поручителя; лишение родительских прав.

Меры социальной защиты могли применяться либо вместо уголовного наказания (в отношении несовершеннолетних и невменяемых), либо вместе с наказанием. В последнем случае общее правило закреплялось ст. 50 УК РСФСР, которая предоставляла суду право присоединить к наказанию какую-либо необходимую меру социальной защиты. Кроме того, закон содержал и две специальные нормы: статья 48 предписывала применение такой меры социальной защиты, как запрет заниматься определенной профессией или промыслом на срок до пяти лет для лиц, которые осуждены за преступление и признаны социально опасными вследствие систематического злоупотребления своей профессией; а статья 49 позволяла применять лишение права проживать в определенных местностях сроком до трех лет к лицам, которые признаны судом «по своей преступной деятельности или по связи с преступной средой данной местности социально опасными».

В этом, как представляется, и проявляется компромиссный характер «третьей школы» и УК 1922 г. С одной стороны, закон различал наказа-

ние и иные меры социальной защиты: последние не содержат в себе кары, в большей степени зависят от опасности деятеля, а не самого деяния, не связаны с виной, не содержат отрицательной оценки. Но, с другой стороны, тот же закон устанавливал единое основание для применения и наказания, и мер социальной защиты — «опасность лица»; позволял заменять наказание мерами социальной защиты либо применять их вместе, что фактически может свидетельствовать об их единой правовой природе. Причем, в силу большего объема термина «меры социальной защиты», именно он мог объять собой все уголовно-правовые средства воздействия. К этому выводу в конечном итоге приходит Э.Я. Немировский: «Термин “меры социальной защиты” следует распространить на все вообще карательные средства... Все меры репрессии суть меры социальной защиты» [3, с. 43–44]. Равным образом М.М. Исаев указывал: «Исторически сложившееся название — “наказание” перешло и в УК, но было бы вполне уместно отказаться от него и, учитывая “теорию защиты”, на которой стоит УК, говорить о мерах социальной защиты репрессивного характера, противопоставляя их мерам социальной защиты медицинского характера в отношении невменяемых» [2, с. 36].

Такие теоретические построения нашли свое отражение в УК РСФСР 1926 г. [5, с. 256–288]. Этот закон не знал термина «наказание». В ст. 7 УК 1926 г. определялось: «В отношении лиц, совершивших общественно опасные действия или представляющих опасность по своей связи с преступной средой или по своей прошлой деятельности, применяются меры социальной защиты судебно-исправительного, медицинского либо медико-педагогического характера». Закон прямо устанавливал, что «меры социальной защиты не могут иметь целью причинение физического страдания или унижения человеческого достоинства и задачи возмездия и кары себе не ставят» (ст. 9). Их целью провозглашалась общая и частная превенция, а также «приспособление совершивших преступные действия к условиям общежития государства трудящихся».

Мерами социальной защиты судебно-исправительного характера УК признавал: объявление врагом трудящихся с лишением гражданства Союза ССР и обязательным изгнанием из его пределов; лишение свободы со строгой изоляцией; лишение свободы без строгой изоляции; принудительные работы без лишения свободы; поражение политических и отдельных гражданских прав; удаление из пределов Союза ССР на срок; удаление из пределов РСФСР или отдельной местности с обязательным поселением в иных местностях или без этого либо с запрещением проживания в отдельных местностях или без этого; увольнение от должности с запрещением занятия той или другой должности или без этого; запрещение занятия той или иной деятельностью или промыслом; общественное порицание; конфискация имущества — полная или частичная; денежный штраф; предостережение; возложение обязанности загладить причиненный вред.

Условное осуждение в УК 1926 г. не признавалось видом меры судебно-исправительного характера. Положения о данной мере воздействия, объединенные с предписаниями относительно условно-досрочного освобождения от отбывания мер социальной защиты, обособлялись в отдельную главу кодекса.

Законом определялось, что меры социальной защиты судебно-исправительного характера не могут применяться к несовершеннолетним до 14 лет. К лицам от 14 до 18 лет они применялись лишь в случае, если Комиссией по делам несовершеннолетних констатировалась невозмож-

ность применения к ним мер медико-педагогического характера. Таковыми закон считал отдачу несовершеннолетнего на попечение родителей, родственников, если таковые имеют возможность его содержать, или иных лиц и учреждений и помещение в специальное лечебно-воспитательное заведение.

К лицам, совершившим общественно опасные деяния в состоянии невменяемости, применялись меры социальной защиты медицинского характера: принудительное лечение либо помещение в лечебное заведение в соединении с изоляцией.

Согласно ст. 26 УК РСФСР 1926 г., меры социальной защиты медико-педагогического и медицинского характера могли быть применены судом, если он признает не соответствующим данному случаю применение мер социальной защиты судебно-исправительного характера, а равно и в дополнение к последним, если притом меры социальной защиты медико-педагогического и медицинского характера не были применены соответствующими органами до судебного разбирательства.

Замена термина «наказание» термином «меры социальной защиты» неоднозначно оценивалась отечественной доктриной. Однако построенное непротиворечивой, универсальной теоретической концепции мер уголовно-правового характера на основе законодательных предписаний о мерах социальной защиты оказалось невозможным. Закон хотя и объединял все меры воздействия общим понятием «меры социальной защиты», тем не менее проводил весьма значительные различия между мерами судебно-исправительного характера, с одной стороны, и всеми иными — с другой. В частности, основанием для применения мер судебно-исправительного характера признавалась не опасность лица, а «общественная опасность рассматриваемого преступления» (ст. 47); их применение во многом зависело от особенностей совершенного преступления (ст. 18, 19); эти меры должны были быть эквивалентны преступлению (ст. 45); принципиальное значение для применения данных мер имела вина, причем в классической, психологической ее трактовке (ст. 10). Все эти положения закона входили в известное противоречие с канонами социологической школы, представляли некоторую уступку «классикам». В итоге законодательная концепция получала двойственный и противоречивый характер: меры судебно-исправительного характера по ряду существенных признаков кардинально отличались от иных мер социальной защиты, а потому и не могли образовывать с ними единой системы.

Это обстоятельство признавали многие видные специалисты начала XX в., высказывавшие критические суждения в адрес законодательных новаций 1926 г. Так, Б.С. Утевский полагал, что введение в уголовное законодательство понятия «меры социальной защиты» не только означало неудачную терминологию, но и несло с собой чуждые и вредные представления для социалистического права. «Меры социальной защиты связаны не с виной, а так называемым “опасным состоянием” социологической школы. Между тем советское право при определении наказания исходит именно из вины преступника, устанавливая наказания в соответствии со степенью вины» [9, с. 250–251]. Равным образом М.В. Красильников писал: «Термин «меры социальной защиты» не выражает существа наказания, его революционной роли и говорит лишь о защите общества, а потому является неприемлемым. Кроме того, термин «меры социальной защиты» употребляется реакционной буржуазной социологической школой права, которая исходит при определении

ответственности не из вины, а из «опасного состояния» [6, с. 74–75]. О принципиальном отличии наказания от мер социальной защиты писал и А.А. Жижиленко, указывая, что меры социальной защиты представляют собой «самостоятельную и отличную от наказания меру борьбы с преступностью», они «внутренне не сходны с наказанием» [1, с. 29]. Позднее М.Д. Шаргородский резюмировал: «Отказ от термина “наказание” в законе не отражал каких-либо принципиальных изменений во взглядах на задачи уголовного права, однако сам по себе был ошибочен. В основе этого изменения терминологии лежало желание законодателя подчеркнуть отказ от наказания как возмездия, однако это не требовало отказа от старой терминологии... Отказ в законодательстве от термина “наказание” был чисто терминологический, словесный, и содержание института от этого в советском праве не изменилось» [11, с. 233].

Таким образом, можно утверждать, что законодательная попытка отказать от идеи наказания и заменить его мерами социальной защиты в теоретическом плане оказалась неудачной и не была поддержана большинством специалистов. В 1934 г. в уголовное законодательство вновь был введен термин «наказание» [5, с. 344]. С этого времени в большинстве литературных источников и в учебной литературе законодательные предписания о мерах социальной защиты судебно-исправительного характера анализировались под общим названием «наказание», оставляя для иных мер законодательный термин «меры социальной защиты».

В итоге можно констатировать, что кодекс 1926 г., несмотря на терминологические новации, в теоретическом отношении мало отличался от своего «предшественника», основываясь на положениях так называемой «третьей школы», о которой писал Э.Я. Немировский. Именно представители этой школы интегрировали концепции социологического и классического направлений в уголовно-правовой науке. Результатом такого компромисса явилось закрепление в уголовном законе дуалистической системы уголовной ответственности, согласно которой к лицам, виновным в совершении преступления, применяется наказание, а к лицам, признанным судом «социально опасными», применяются меры защиты (безопасности).

По вполне очевидным идеологическим причинам советская наука не могла признать своей приверженности идеям «третьей школы», которая официально признавалась в ряде зарубежных стран (например, в Италии [7, с. 509]). Более того, специалисты повсеместно подчеркивали принципиальные отличия советского уголовного права от буржуазного — как российского дореволюционного, так и современного капиталистического. Однако, оценивая их суждения с современных позиций, нельзя не увидеть, что идеологические штампы в литературных источниках лишь искусственно маскировали сохранение уголовно-правовых традиций, а новая терминология прикрывала традиционные уголовно-правовые институты.

Список использованной литературы

1. Жижиленко А.А. Очерки по общему учению о наказании / А.А. Жижиленко. — М.: Academia, 1923. — 112 с.
2. Исаев М.М. Декларативные статьи Уголовного кодекса / М.М. Исаев // Советское право. — 1924. — № 6 (12). — С. 36. — С. 35–39.
3. Немировский Э.Я. Советское уголовное право: Части Общая и Особенная / Э.Я. Немировский. — Одесса: Одесполиграф, 1924. — 292 с.

4. Ныркова Н.А. Институты Общей части уголовного права в истории советского законодательства и действующем УК РФ / Н.А. Ныркова; отв. ред. В.Б. Малинин. — Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2006. — 159 с.

5. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР: 1917–1952 гг. / под ред. И.Т. Голякова. — М.: Госюриздат, 1953. — 463 с.

6. Советское уголовное право: Части Общая и Особенная. — М., 1940. — 222 с.

7. Уголовное право зарубежных государств: Общая часть / под ред. и с предисл. И.Д. Козочкина. — М.: ИМПЭ имени А.С. Грибоедова, 2001. — 576 с.

8. Уголовное право: История юридической науки / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. — М.: Наука, 1978. — 309 с.

9. Уголовное право: Общая часть / ред. А.А. Герцензон, Б.С. Ошерович, А.А. Пионтковский. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1938. — 408 с.

10. Чельцов-Бebutov М.А. Социалистическое правосознание и уголовное право революции / М.А. Чельцов-Бebutov. — Харьков: Юрид. изд-во НКЮ, 1924. — 92 с.

11. Шаргородский М.Д. Наказание, его цели и эффективность / М.Д. Шаргородский // Шаргородский М.Д. Избранные работы по уголовному праву. — СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. — 432 с.

References

1. Zhizhilenko A.A. Ocherki po obshchemu ucheniyu o nakazanii / A.A. Zhizhilenko. — M.: Academia, 1923. — 112 s.

2. Isaev M.M. Deklarativnye stat'i Ugolovnogo kodeksa / M.M. Isaev // Sovetskoe pravo. — 1924. — № 6 (12). — S. 36. — S. 35–39.

3. Nemirovskii E.Ya. Sovetskoe ugolovnoe pravo: Chasti Obshchaya i Osobennaya / E.Ya. Nemirovskii. — Odessa: Odespoligraf, 1924. — 292 s.

4. Nyrkova N.A. Instituty Obshchei chasti ugolovnogo prava v istorii sovetskogo zakonodatel'stva i deistvuyushchem UK RF / N.A. Nyrkova; отв. ред. V.B. Malinin. — Rostov n/D: Izd-vo SKAGS, 2006. — 159 s.

5. Sbornik dokumentov po istorii ugolovnogo zakonodatel'stva SSSR i RSFSR: 1917–1952 gg. / pod red. I.T. Golyakova. — M.: Gosyurizdat, 1953. — 463 s.

6. Sovetskoe ugolovnoe pravo: Chasti Obshchaya i Osobennaya. — M., 1940. — 222 s.

7. Ugolovnoe pravo zarubezhnykh gosudarstv: Obshchaya chast' / pod red. i s predisl. I.D. Kozochkina. — M.: IMPE imeni A.S. Griboedova, 2001. — 576 s.

8. Ugolovnoe pravo: Istoriya yuridicheskoi nauki / отв. ред. V.N. Kudryavtsev. — M.: Nauka, 1978. — 309 с.

9. Ugolovnoe pravo: Obshchaya chast' / ред. А.А. Gertsenzon, B.S. Osherovich, A.A. Piontkovskii. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Yurid. изд-во NKYu SSSR, 1938. — 408 с.

10. Chel'tsov-Bebutov M.A. Sotsialisticheskoe pravosoznanie i ugolovnoe pravo revolyutsii / M.A. Chel'tsov-Bebutov. — Khar'kov : Yurid. изд-во NKYu, 1924. — 92 с.

11. Shargorodskii M.D. Nakazanie, ego tseli i effektivnost' / M.D. Shargorodskii // Shargorodskii M.D. Izbrannye raboty po ugolovnomu pravu. — SPb.: Yurid. tsentr Press, 2003. — 432 с.

Информация об авторе

Гончаров Николай Владимирович — кандидат социологических наук, депутат, член комитета ГД по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству, Государственная дума Федерального собрания РФ, 103265, г. Москва, ул. Охотный ряд, д. 1, e-mail: goncharov2@duma.ru.

Author

Goncharov Nikolay Vladimirovich — PhD in Sociological Sciences, Deputy, Member of State Duma Committee on Civil, Criminal, Adjudicatory and Procedural Legislation, State Duma of the Federal Assembly of the RF, Moscow, e-mail: goncharov2@duma.ru.